

Лингвокультурологическая поэтика КАК ВИД ЛИНГВОПОЭТИКИ

Данич О.В., Крицкая Н.В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Проблема дифференциации поэтик сложна и условна, так как литература есть результат языковой деятельности человека, поэтому по своей сути язык и литература едины: литература — это дух, идея, а язык — форма, с помощью которой эта идея выражается. Любая идея, воплощаясь в литературном произведении, опирается на строго очерченные языковые возможности, которые называются стилями речи, высшей степенью проявления языковой и речевой культуры.

Цель статьи — показать, что теория лингвокультурологической поэтики является дополнением к лингвопоэтике и предполагает объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проникающей» в текст культуры.

***Материал и методы.** Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам поэтики. Материалом для исследования послужили «русские» поэмы Марины Цветаевой. Объектом настоящего исследования стало поэтическое слово поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.*

***Результаты и их обсуждение.** Теоретическим основанием лингвокультурологической поэтики является объединение важнейших положений лингвистики и поэтики, культурологии, семиотики, литературоведения. Это вариант лингвопоэтики, который базируется на языковом материале и рассматривает его в функционально-коммуникативном, структурно-описательном и нормативном аспектах.*

Лингвокультурологическая поэтика учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл. Такой вид поэтики помогает постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, помогает понять, как в фонетике, отдельных словах, метафорах, сравнениях, особенностях синтаксиса и других языковых средствах и стилистических фигурах выявляется мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции. Данный подход позволяет выявить различные смысловые нюансы поэтического текста, что сделано на примере «русских» поэм М. Цветаевой. Эти произведения выражают определенный целостный мир автора, в них создается собственная история культуры. Важным показателем наличия культуры в текстах данных поэм служат интертекстуальные связи, сознательно и неосознанно оставленные автором «следы культуры».

***Заключение.** Под лингвокультурологической поэтикой (вариантом лингвопоэтики) мы понимаем область научного познания, в рамках которой изучается совокупность языковых и стилистических особенностей, а также тропов и фигур, ритма, свойственных речи поэта, в их тесной связи с культурой народа. Вся система названных средств — это эстетическая система, вторичная моделирующая система, т.е. «язык культуры». Язык культуры формируется и существует только во взаимодействии людей, принявших правила этого языка.*

***Ключевые слова:** поэтическое слово, поэтика, лингвистика, лингвокультурология, лингвистическая поэтика, лингвокультурологическая поэтика, тропы, фигуры речи.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 62–67)

Linguoculturology of Poetry as a Form of Linguopoetry

Danich O.V., Kritskaya T.V.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The problem of division of poetic styles is complicated and conditional as literature results from a person's linguistic activity. This makes language and literature inseparable as literature is spirited ideas, while language serves as a form to express them. Any idea taking shape in a piece of writing is rigidly outlined by the means that are available in the language and are called the styles of writing — the highest form of language culture.

This article aims to prove that the theory of linguocultural poetry is a supplement to linguopoetry and serves to show how culture influences the author's choice of words and their application in the text.

***Material and methods.** The methodological framework is the findings of home and foreign linguists exploring the problem of poetry. The material for this research is the "Russian" poems by Marina Tsvetaeva. The object of this research is her poetic word. The article employs the methods of selection from the poet's texts, modeling and analysis.*

Findings and their discussion. *The theoretical basis for linguocultural poetry is a combination of most significant areas of linguistics and poetry, culturology, semiotics and literature science. It is a kind of linguopoetry which is based on the language and studies it in terms of functional-communicative, structural-descriptive and normative aspects.*

Linguoculturological poetry provides means to correctly understand the text including it in the cultural values of the nation; it does not aim to explain the meanings of the words, rather it aims to explain the artistic message of the whole text that these words make. This kind of poetry creates bridges between ideas and words through images, helps to understand how phonetics, individual words, metaphors, comparisons, peculiarities of syntax and other language means and figures of speech reveal the poet's world outlook, their ideas, thoughts, views and emotions. This approach identifies the subtle undertones of poetic texts, in this research – of the texts of the "Russian" poems by M. Tsvetaeva. These poems reflect a special, holistically shaped world of the poet; they create their own history of culture. An indicator of culture in the texts of these poems is the intertextual links, "the cultural marks" that the author left either intentionally or unintentionally.

Conclusion. *We treat linguoculturological poetry (supplement to linguopoetry) as an area of linguistic research which looks into a combination of language and stylistic peculiarities, tropes, figures of speech and rhythm which characterize the style of the poet and are closely linked with the culture of the nation the poet represents. The whole collection of the above mentioned means is an esthetic system, a secondary modeling system, i.e. "the language of the culture". The language of the culture is formed and exists only through interaction among people who have accepted the rules of this language.*

Key words: *Poetic word, poetry, linguistics, linguoculturology, linguistic poetry, linguoculturological poetry, tropes, figures of speech.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 62–67)

Смысл слова «поэтика» менялся на протяжении истории. Блаженный Августин полагал, что тот, кто не разбирается в поэтике, вряд ли сможет стать толковым грамматиком, т.е. он отождествлял поэтику с лингвистикой. М.М. Бахтин, наоборот, всегда считал, что поэтический язык не имеет никакого отношения к лингвистике. Для М.М. Бахтина поэтика – прежде всего область эстетических исследований.

Изучение научной литературы по теоретической поэтике позволило нам разграничить четыре поэтики – литературоведческую, лингвистическую, семиотическую и психопоэтику. Однако в свете современных идей о том, что «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [5] (а это особенно характерно для поэтического языка), в данной статье нам хотелось бы попытаться обосновать существование пятой поэтики – лингвокультурологической.

Цель данной статьи – показать, что теория лингвокультурологической поэтики является дополнением к лингвопоэтике и предполагает объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проникающей» в текст культуры.

Актуальность настоящего исследования определяется ростом интереса к лингвокультурологии, которая связана не только с языком и культурой, но и с философией, этнографией и этнолингвистикой, психоллингвистикой. Она представляет собой некую совокупность знаний о культурно-национальной специфике организации содержания речевого общения и о культурной ситуации, в которой это общение происходит.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам поэтики. Материалом для исследования послужили «русские» поэмы Марины Цветаевой. Объектом настоящего исследования стало поэтическое слово поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. В связи со стремительным развитием лингвокультурологии, возникла необходимость учитывать место художественного (в том числе, поэтического) текста в более широком культурно-историческом контексте. Лингвокультурология как самостоятельное направление гуманитарной мысли оформилось в работах В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и других. Базовой ее проблемой становится вопрос о вовлеченности языка в моделирование единых общекультурных процессов, одной из существенных форм которых является и поэтическая деятельность.

Еще в начале XX в. и философы, и лингвисты понимали важность учета культурных факторов для восприятия и интерпретации поэзии: «Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слова – воплощение разума» [10].

В определенный исторический период текст так или иначе отражает культурологическое сознание социума, формирует его. Познавая языковую материю в разнообразии ее составляющих, выявляя системные и структурные закономерности языка и речи, лингвисты входят в пространство ценностей мировой и национальной культуры.

Одним из теоретических оснований лингвокультурологической поэтики должно стать объединение важнейших положений не только лингвистики и поэтики, которое мы видели еще в трудах А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др., но и культурологии, семиотики, литературоведения.

В.В. Виноградов говорит об «эстетике слова» как особой дисциплине и замечает, что «ее система должна покрывать все факты» [2], имея в виду, безусловно, и культурные факты. Слово, находясь в особом текстовом, «поэтическом» состоянии, способно выражать широчайший спектр значений и смыслов, так как лексема (план выражения слова или лингвистического знака) включает в себя одновременно и единицы фонетического, и единицы морфологического уровней языковой системы и, таким образом, потенциально способно выражать одновременно целый пучок смыслов различного характера и различной природы.

Культурологический фактор формирует и организует мысль говорящего, как и собственно языковые категории. Этот фактор, эксплицируясь, занимает привилегированное положение в языковом сознании языковой личности, поскольку представляет собой уникальное явление. Следовательно, всякая грамматическая конструкция выражает определенное значение, «мировидение», потому что грамматические формы являются маркерами авторских смыслов: именно организация слов руководит смыслообразованием. Пёввор союзом, например, приводит к тому, что перечисляемые явления тесно сплавляются в единый образ авторского ощущения родной земли: *Горбы, бороды, да борозды, / Да зелена / Дух навозенный, забористый, – / Моя земля!* [9].

Язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры.

В концепции «язык и культура» сходятся интересы всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработки

понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления.

Лингвокультурологическая поэтика – это вариант лингвопоэтики, который базируется на языковом материале и рассматривает его в функционально-коммуникативном, структурно-описательном и нормативном аспектах. Для адекватного восприятия художественного текста важно, чтобы реципиент владел определенным объемом культурного фонда, так как именно на знаниях из сферы культурного фонда строит свое общение с читателем автор художественного произведения.

Дело, конечно, не в том, чтобы создать особую лингвокультурологическую поэтику, а в том, чтобы развивать дальше комплексную филологическую поэтику, уже намеченную в общих чертах в исследованиях А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и других выдающихся ученых. В такой поэтике лингвистический и эстетический анализы слов, словосочетаний, предложений постоянно и глубоко взаимодействуют. Лингвокультурологическая поэтика является междисциплинарным направлением исследований, соприкасающимся одновременно и с лингвистикой, и со стилистикой, и с литературоведением, и с культурологией, но при этом не совпадает с ними, хотя и имеет общую область и пересечение интересов.

Восприятие художественного текста предполагает его соотнесение не только с сознанием воспринимающего субъекта или объективной реальностью, но и с определенной системой художественных конвенций, обусловленных национальной культурой. Это и есть лингвокультурологический подход к тексту.

Анализ «русских» поэм, проведенный нами, позволил установить, что культура по-разному вплетается в текст, строя тем самым многомерные поэтические образы. Во-первых, культура проникает в текст через фольклорный материал, связь с которым была установлена как на уровне заимствования сюжета, так и на уровне фольклорного ритма, слов и выражений, построенных по фольклорным моделям: например, *булавочки-иглочки, вершок-аршин, горе-голова, грибы-грудочки, гусли-самозвоны*. Во-вторых, через энциклопедические знания автора, которые нашли отклик и в душе читателя: историки культуры предполагают существование андрогинного типа человека, что нашло отражение в образе Царь-Девы, которая обладает неженской силой и к которой по контрасту притягивается ее слабый возлюбленный, здесь сила стремится к самоу-

ничтожению и растворению в своей противоположности. В-третьих, через мифологическое, которое становится приемом создания таинственного мира, трансцендентного к реальности. Мы полностью согласны с мнением В.Н. Топорова, что миф и ритуал – первые шаги человеческой культуры; рудименты мифологического сознания и архаических ритуалов обнаруживаются в «русских» поэмах не только в виде устойчивых выражений и древнейших языковых формул, но и в полисемии; так, сюжетобразующую роль в поэме «Молодец» играет танец, круженье, «выкрут», восходящие к древнему ритуалу хоровода: – *Не пожар тушу, / Свою смерть пляшу / С гикотом! С топотом!* В-четвертых, через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой языковой личности: *Конь, Огонь, Пожар, Радуга, Лазорь* и др. В-пятых, через культурно-национальные коннотации и вообще многомерную семантику поэтического слова, поскольку сквозь современное значение слова часто просвечивают древние значения: так, *разлука* содержит в своей семантике не только современное значение утраты, но и радость единения живых и мертвых, осуществляемая через ритуал, некий хоровод *жизни-смерти, встречи-разлуки*. В-шестых, культура растворяется в тексте через интертекстуальные связи. Отмеченные пути проникновения культуры в «русские» поэмы – это и есть технология лингвопоэтического исследования.

Мы хотим подчеркнуть также интегрирующую роль лингвокультурологической поэтики, которая представляет собой попытку объединить три науки (лингвистику, поэтику, культурологию), фактически – это соединение трех миров в единый ансамбль, где каждая часть находила бы отражение друг в друге, ибо только в единстве можно выявить различные смысловые нюансы поэтического текста.

В свое время Г.О. Винокур совершенно справедливо обращал внимание на то, что во всяком замечательном художественном произведении «язык отражен тройко – как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства» [1]. Все это и должно быть учтено в лингвокультурологической поэтике.

Лингвокультурологическая поэтика учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл.

Лингвокультурологический подход позволяет выявить различные смысловые нюансы поэти-

ческого текста, что и сделано на примере четырех поэм М. Цветаевой, объединенных в цикл «русские» поэмы. Эти произведения выражают определенный целостный мир автора, который меняется для читателя в процессе исторического функционирования данных поэм. Кроме того, в исследуемых поэмах создается собственная история культуры, потому что поэтический текст не просто отражает реальность, а творит свой мир – мир гения: так в поэме «На Красном Коне» во всей полноте раскрывается стремление лирической героини к запредельному, колдовскому, таинственному; этот мотив проходит сквозь все творчество М. Цветаевой. Она активно соединяет свою лирическую героиню с грехом, с адом, с чертом, называет ее *беззаконницей, преступницей и чернокнижницей*. В поэме резко сменяют друг друга разные ипостаси – сон чередуется с явью, вымысел с реальностью: *Торопится красным гоном / Мой конный сон*.

Основываясь на фольклоре, поэт трансформировала его, чтобы выразить поэтическое содержание, т.е. создать новые текстовые смыслы. Именно «русские» поэмы несут в себе целые культурные пласты – от русских сказок до ритуальных плясок, все они сплетены в единую ткань, исследовать которую нужно, продолжая традиции великих филологов А.А. Потебни, Е. Карского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др., но учитывал современные достижения лингвистики и теории культуры.

Слово в «русских» поэмах нагружено широким объемом, оно имеет «ассоциативную ауру», особый «сверхсмысл», формирующийся через культурные коннотации и ритуально-мифологические смыслы, всплывающие в конкретном тексте. Так, во всех поэмах достаточно часто, причем в важных, кульминационных моментах, используются слова *кланяться, поклон* («Молодец» – 5 раз, «Переулочки» – 5 раз, «Царь-Девница» – 6 раз и т.д.): *Позабыл иконам / Класть поклон земной / Не идет с поклоном / К батюшке с женой*. Здесь просматривается ритуал, что мы и стараемся продемонстрировать.

По мнению современных исследователей, до мифа и языка существовал ритуал, который был древнейшей знаковой системой. В основе всякого ритуала лежал жест. Телодвижение поклона, зафиксированное данным ритуалом, обозначает уважение, смирение, покорность перед Богом, человеком, законом и восходит к животному жесту покорности. Известно, что во всех культурах поясной и земной поклон являются знаком покорности. В анализируемых поэмах знакомство с данным ритуалом

формирует следующие сверхсмыслы: жену нельзя вести на поклон к иконам и батюшке, ибо она колдунья, а потому все равно никому не поклонится.

Мы не ставим своей целью разработать методологию лингвокультурологического анализа – это задача будущего. Применяемый нами поуровневый анализ языковых средств, основанный на базе достижений структурной лингвистики, лишь в разной степени дополняется лингвокультурологическим анализом. Любой авторский текст, особенно художественный, есть реализация языка автора, который необходимо понимать не только как индивидуальный язык, но и как отражающий определенный временной культурный срез. Поэтому в каждом произведении великого творца, который является гением нации, создается особый, созвучный его времени и культуре язык.

Многие исследователи (О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.С. Сорокин и др.) считают, что не всякий текст становится феноменом культуры: «...чтобы стать таковым, он должен быть присвоен социумом. Форма присвоения текста – его интерпретация» [3]. Аналогичной точки зрения придерживаются также Д.С. Лихачев, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева и др. Следовательно, для того чтобы поэтический текст стал феноменом культуры, нужна триада *автор – поэтический текст – читатель*, где автор создает текст, который есть явление культуры, расшифровка и интерпретация текста осуществляется человеком, владеющим этой культурой, т.е. происходит сотворчество автора и читателя. Читатель воспринимает при этом не безличную информацию, а произведение чужого сознания. Мы имеем дело именно с автором, с его мировоззрением, т.е. «с тем смыслом, который в тексте обрел голос. В культуре не содержится ничего, кроме смыслов. Это встреча в осмысленном мире» [7].

В.А. Маслова, занимаясь исследованием творчества М. Цветаевой, считает, что почти каждое произведение данного автора требует интерпретации, пояснения, помогающего постичь смысл текста. Здесь имеются в виду не только биографические и текстологические комментарии. Как подчеркивает исследователь, «на первый план при анализе поэзии М. Цветаевой выходит культурный контекст» [6].

Нужно отметить особенно сильное проникновение творчества М. Цветаевой в культурную парадигму нашего времени: наиболее авторитетные теоретики постструктурализма и деструктурализма трактуют текст как единственную реальность, не видят разницы между жизнью человека

и его вербальной рефлексией. М. Цветаева всю жизнь творила миф о самой себе: по андрогинному типу Царь-Девы она строила собственное поведение и внешность: не любила, когда ее называли «поэтесса», носила офицерскую сумку и неженственную одежду и т.д. Так же поступает современный модернист.

Под мифом мы понимаем здесь способ удержания того, что без мифа стало бы хаосом. Тогда миф – это способ организации поведения и конструирование самого человека, а не примитивное представление о мире. В творчестве М. Цветаевой важен следующий культурный миф – отказ от земного счастья. Фатальное одиночество – это жертва, которую приносит поэт во имя творчества. Поэтический дар как будто предполагает одиночество, неизбежную разлуку, таковы героини ее «русских» поэм: это и Царь-Девы, и Маринка из «Переулочков», и Маруся из «Молодца» и другие.

Культурная информация может быть заключена в лексике, грамматике и даже композиции текста. А.Н. Веселовский в своей «Исторической поэтике» пришел к выводу, что повтор в народной поэзии рожден древними обрядами, в которых многократно повторяемые действия или реплики служили воображаемым средством воздействия на силы природы. Наблюдения над повторами в исследуемых поэмах подтверждают эту мысль А.Н. Веселовского. Культура может быть запечатлена в своеобразном видении мотива, пейзажа и других изображаемых явлений.

Кроме того, важным показателем наличия культуры в тексте служат интертекстуальные связи. Ни один текст не может возникнуть на пустом месте и существовать самостоятельно, вне литературного, исторического и культурного контекстов. По мнению Ю.М. Лотмана, он подключен к различным знаковым системам и кодам [4]. Более того, по мнению Н.А. Фатеевой, в литературе последних лет текст просто иначе не рождается, как из фрагментов или с ориентацией на старые тексты, причем соотношение с другими текстами становится не точечным, а общекомпозиционным принципом. С позиции же читателя новые тексты иначе и не прочитываются, как в металитературном ключе [8]: в каждом тексте неизбежно присутствуют другие, ранее созданные тексты, и функционирование текстов возможно лишь в дискурсивном поле культуры. Поэтому интертекстуальные связи в «русских» поэмах – это как бы «следы культуры», которые были оставлены

автором сознательно или неосознанно.

Лингвокультурологический анализ помогает избежать односторонности и постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, он позволяет понять, как в фонетике, отдельных словах, метафорах, особенностях синтаксиса и других языковых средствах и стилистических фигурах выявляются культура народа и мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции.

Заключение. Теория лингвокультурологической поэтики, являющейся продолжением и дополнением к лингвопоэтике, предполагает констатацию и объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проникающей» в текст культуры. Культура проникает в «русские» поэмы М. Цветаевой через фольклорный материал и энциклопедические знания автора, которые нашли отклик и в сознании читателя посредством интертекстуальных связей; через ритуально-мифологическое раскрытие темы, что становится приемом создания особого поэтического мира; через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности; через многомерную семантику поэтического слова, в том числе – национально-культурные коннотации.

Литература

1. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 257.
2. Виноградов, В.В. К построению теории поэтического языка / В.В. Виноградов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / В.В. Виноградов. – М., 1997.
3. Кузьмина, Н.А. Интертекста и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: УРСС, 2004. – С. 43.
4. Лотман, Ю.М. Избранные статьи / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 204.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001.
6. Маслова, В.А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением / В.А. Маслова. – Минск: Экономпресс, 2000. – С. 21.
7. Текст как явление культуры / редкол.: Г.А. Антипов, О.А. Донских, Ю.А. Сорокин. – Новосибирск, 1989. – С. 31.
8. Топоров, В.Н. О ритуале: Введение в проблематику / В.Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках. – М.: Наука, 1988.
9. Фатеева, Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н.А. Фатеева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – № 5. – С. 18.
10. Цветаева, М.И. Переулочки / М.И. Цветаева // Собранные сочинения: в 7 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 276.
11. Шпет, Г.Г. Сочинения / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – С. 380.

Поступила в редакцию 17.12.2017 г.